

Paradoxes of the methodology of modern political science: possibilities and limits

T. V. Karadhe¹

¹Moscow Pedagogical State University, 88 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-1-32-43

Research Article
Full text in Russian

The article attempts to consider the reasons for limiting the analytical and predictive capabilities of the methodology of modern political science. On the basis of various approaches, the factors that hinder the objective analysis and forecasting of the political are analyzed. The ontological, epistemological and praxiological aspects of the analysis of this problem are presented. It is noted that the formation of a global system is accompanied by the emergence of new properties, including interdependence, increased turbulence and chaotic behavior, cascading effects of changes, the growth of fluctuations and emergent manifestations that increase uncertainty and instability.

At the same time, the research apparatus of the methodology of political science does not reflect the complexity, dynamics and diversity of the new emerging interconnections of the open global system, which necessitates its revision, activation of its further development, transition to a new constructivist paradigm. The article examines the importance of interdisciplinarity in the formation of new areas of political science, as well as the role of transdisciplinarity in the formation of new research strategies. The impossibility of forecasting based on successful models and methods in the past, extrapolation of the system of causal relationships of local systems in a state of relative stability to the prediction of open unstable systems is noted.

The praxeological analysis allowed us to consider the features of the process of interpreting the results of analytical and predictive activities, the importance of the interest of political actors in the implementation of the results of scientific activity in political practice.

Keywords: methodology; complex social systems; «complex thinking»; interdisciplinarity; transdisciplinarity

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karadhe, Tatiana V. | E-mail: karadzhe@yandex.ru
Doc. Sc. (Philology), Professor

For citation: Karadhe T. V. Paradoxes of the methodology of modern political science: possibilities and limits // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 1. P. 32-43. (in Russ.)

Парадоксы методологии современной политической науки: возможности и пределы

Т. В. Карадже¹

¹Московский педагогический государственный университет, пр-т Вернадского, 88, Москва, 119571, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-1-32-43
УДК 32

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье предпринята попытка рассмотреть причины, обуславливающие ограничение аналитических и прогностических возможностей методологии современной политической науки. На основании различных подходов анализируются факторы, препятствующие объективному анализу и прогнозированию политического. Представлены онтологический, эпистемологический и праксиологический аспекты анализа данной проблемы. Отмечается, что становление глобальной системы сопровождается появлением новых свойств, среди которых взаимозависимость, усиление турбулентности и хаотизации, каскадные эффекты изменений, рост флуктуаций и эмерджентных проявлений, усиливающих неопределенность и нестабильность. В то же время исследовательский аппарат методологии политической науки не отражает сложность, динамику и многообразие новых формирующихся взаимосвязей открытой глобальной системы, что вызывает необходимость его ревизии, активизации его дальнейшего развития, перехода к новой конструктивистской парадигме. В статье рассматривается значение междисциплинарности в формировании новых направлений политической науки, а также роль трансдисциплинарности в формировании новых исследовательских стратегий. Отмечается невозможность прогнозирования на основе успешных в прошлом моделей и методов, экстраполяции системы причинно-следственных связей локальных систем, находящихся в состоянии относительной устойчивости, на прогнозирование открытых неустойчивых систем. Праксеологический анализ позволил рассмотреть особенности процесса интерпретации результатов аналитической и прогностической деятельности, значение заинтересованности политических субъектов в реализации результатов научной деятельности в политическую практику.

Ключевые слова: методологический инструментарий; открытые неустойчивые системы; сложное мышление; междисциплинарность; трансдисциплинарность; праксеологический анализ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карадже, Татьяна Васильевна | E-mail: karadzhe@yandex.ru
Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии

Для цитирования: Карадже Т. В. Парадоксы методологии современной политической науки: возможности и пределы // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 1 С. 32-43.

Сегодня в политической науке сложилась странная, на первый взгляд, ситуация: с одной стороны, взрывной рост новых направлений политической науки, а с другой – значительное ограничение аналитических и прогностических возможностей методологии политической науки. Как объяснить эту парадоксальную ситуацию? Это всего лишь следствие ограниченности исследовательского инструментария политической науки или это системный кризис теории познания в условиях неопределенности изменяющегося мира? На эту проблему обращает внимание и отечественный философ В. Н. Порус: «Вызовы, идущие от развития науки, еще не в полной мере осознаны. Предстоит понять, почему недавние (по историческим меркам) догмы относительно критериев истинности и объективности научного знания более не могут служить опорой в ответах на эти вызовы» [1, с. 36].

В связи с этим также возникает вопрос: данный кризис отражает состояние отечественной политической науки или это проявление более глобального кризиса, свойственного мировой политической науке?

Если учитывать, что политическая наука и политическая практика связаны с планированием, прогнозированием, проектированием и управлением политическими процессами, то становится очевидным, что вопрос о возможностях и пределах методологии политической науки является предметом не только академического интереса, но и прежде всего политической практики. Можно ли быть уверенным, что на основании имеющегося потенциала научного инструментария мы можем прогнозировать и моделировать сценарии политического развития, имеющие высокий уровень вероятности? Можно однозначно ответить – нет. В чем же причина сложившейся ситуации?

Процедура научного познания предполагает наличие объекта исследования, методологического инструментария исследования, интерпретацию результатов научного познания и их реализацию в политическую практику. И важно понять, на каком этапе проявляются факторы, препятствующие объективному анализу и прогнозированию развития политического.

Чтобы понять причины ограничения прогностических возможностей методологии и усиления рассогласования результатов научного познания и политической практики, имеет смысл рассмотреть эту проблему с нескольких аспектов:

- онтологического, который позволит рассмотреть особенности трансформации самого объекта исследования – политической реальности;
- эпистемологического, анализирующего сам исследовательский инструментарий, его ограничения и возможности анализа сложной и динамично изменяющейся реальности;
- праксеологический аспект позволит рассмотреть особенности процесса интерпретации результатов аналитической и прогностической деятельности, значение заинтересованности политических субъектов в реализации результатов научной деятельности в политической практике.

Онтологический аспект

Если обратиться к онтологическому аспекту, то мы здесь наблюдаем тектонические сдвиги в мировом политическом пространстве, обусловившие становление новой реальности. Среди них:

– завершение процесса становления глобальной цивилизации. Сегодня уже сформировалась сложная открытая взаимозависимая система, реагирующая на изменения в любой ее зоне, которые имеют последствия для функционирования всей системы. Взаимозависимость и соподчиненность элементов глобальной системы обострила значимость и востребованность новой системы глобальных технологий управления – метатехнологий, которые сегодня активно апробируются;

– завершение цикла мирового господства Модельски-Томпсона и начало нового переходного этапа, сроки которого специалисты определяют 2020–2040 гг. Этот этап будет характеризоваться нарастанием противостояния стран-лидеров, появлением новых политических субъектов и акторов, переформатированием системы управления глобальным миром, реструктуризацией действующей на протяжении последних десятилетий системы взаимосвязей и взаимодействий субъектов мировой политики;

– переход к новому технологическому укладу, сопровождающийся усилением дисбаланса развития государств. Если государства периферии мир-системы развиваются в рамках четвертого и пятого технологических укладов, то ряд государств уже перешел к шестому технологическому укладу, и сегодня намечаются контуры технологий седьмого технологического уклада. Как отмечает отечественный экономист С. Глазьев, «смена технологических и мирохозяйственных укладов – болезненный процесс, сопровождающийся структурным кризисом, экономической депрессией, обострением военно-политической напряженности. Властно-хозяйственные отношения, сложившиеся в ходе предыдущего цикла эволюции мировой экономики, защищаются заинтересованными в их продолжении элитами и обслуживающими их институтами любыми средствами, вплоть до мировых войн» [2, с. 29]. Необходимо учитывать, что сложившийся дисбаланс будет усиливаться и поддерживаться системой, где у каждого из ее элементов своя функция в рамках уже существующего или формирующегося нового миропорядка;

– экспоненциальный рост НБИКС – технологий шестого технологического уклада. Особенности данного уклада – конструирование материалов и организмов с заранее заданными свойствами. Искусственный интеллект, нано- и биотехнологии, молекулярная и ядерная технологии, нанобионика, нанотроника и другие наноразмерные технологии; новые виды транспорта и коммуникаций; редактирование генома, инженерия живых тканей и органов, где основной инструментарий – микроэлектронные компоненты, – сегодня являются основными направлениями развития науки и производства. Взаимодействие и конвергенция НБИК-технологий приводит к новому лавинообразному развитию новых направлений и технологий [3]. Предполагается, что возрастающее влияние информационных технологий на NBIC-конвергенцию, процесс трансформации технологического уклада будет чрезвычайно быстрым и приведет к радикальным изменениям общества и самого человека. «Умопомрачительные инновации, достижения в нейротехнологиях и биотехнологиях заставят нас задуматься о том, что значит быть человеком» [4].

– ускоренная диджитализация и цифровизация современного мира как инструмент активизации внедрения в политическую практику глобальных технологий управления.

Становление и функционирование глобальной системы сопровождаются появлением ее новых свойств, которые несвойственны закрытым локальным системам,

и среди них: взаимозависимость элементов мировой системы, усиление турбулентности и хаотизации, эффект резонансного воздействия, каскадные эффекты изменений, рост флуктуаций и эмерджентных проявлений. Все это усиливает неопределенность, нестабильность, ощущение нарастания хаоса, которые становятся знаковой особенностью современного мира. Последствия перехода к новому витку развития будут неоднозначны и различны как для глобальной системы в целом, так и для отдельных ее элементов.

Неопределенность новой нарождающейся реальности нашла свое отражение и в тех дефинициях, которые сегодня используются в научных и публицистических статьях: «новая цивилизация» и «новая нормальность», «цифровая эпоха» и «бифуркационная фаза», «переход к сингулярности», «посткапитализм» и «инклюзивный капитализм». Можно привести еще десяток новых определений, но необходимо констатировать, что все они фиксируют процесс радикальной трансформации глобальной системы, порождающий ее критическую неустойчивость и неопределенность.

Таковы некоторые наброски формирующейся реальности, содержащей в себе потенциальные ростки новой картины мира.

Эпистемологический аспект

Для понимания причин ограничения аналитических и прогностических возможностей методологии необходимо рассмотреть проблемы собственно самого научного инструментария. Одна из них – это несоответствие существующего категориально-понятийного аппарата методологии политической науки той изменяющейся реальности, которую он описывает, анализирует и прогнозирует, а точнее – содержание категорий, понятий, фиксирующее сущностные характеристики явлений и процессов локальных систем, не отражает сложность, динамику, многообразие новых формирующихся взаимосвязей открытой глобальной системы.

Категориально-понятийный аппарат политической науки сложился в рамках классической и постнеклассической методологии, но сегодня требуются как новые дефиниции, так и корректировка содержания уже существующих, чтобы более полно и объективно отразить зарождение новых форм и способов взаимодействия субъектов политического.

Другая проблема заключается в том, что исследовательский инструментарий сформирован в рамках эволюционной парадигмы, основан на системе детерминизма, фиксирующей закономерности эволюционного развития закрытых локальных систем, а сегодня речь идет об открытой сложноорганизованной глобальной системе. В этой связи необходимо учитывать, что экстраполяция системы причинно-следственных связей локальных систем, находящихся в состоянии относительной устойчивости, на прогнозирование и моделирование открытой глобальной системы и ее элементов в условиях критической неустойчивости научно некорректна. Мы должны принять факт невозможности прогнозирования, основываясь на успешных в прошлом моделях и методах.

Сегодня исследования современных сложных систем и прогнозирование будущего возможно лишь в рамках конструктивистской парадигмы, учитывающей особенности и аксиологическую составляющую технологических сценариев и политических проектов миропорядка. Особенность сформировавшейся глобальной системы, с од-

ной стороны, – усиление взаимозависимости ее элементов, что расширяет возможности управленческих метатехнологий, а с другой – усиление неопределенности развития политического, обусловленной интересами различных политических субъектов. И именно в рамках конструктивистской парадигмы такие понятия, как «неустойчивость», «неопределенность», «проектируемость», «интерес», стали предметом исследования.

В то же время необходимо отметить огромное значение методологии междисциплинарности в развитии новых направлений политической науки. По мнению отечественного исследователя В. Г. Буданова, «грядущий век – век междисциплинарных исследований. Методология междисциплинарных исследований – это горизонтальная, ... связь реальности, ассоциативная, с метафорическими переносами, зачастую, символьным мотивом, несущим колоссальный эвристический заряд, в отличие от вертикальной причинно-следственной связи дисциплинарной методологии. ... под междисциплинарный подход ищутся задачи, эффективно решаемые в самых разнообразных областях человеческой деятельности» [5, с. 18].

Исследования в области этологии, биологии, генетики стали основанием для развития биополитики. Результаты нейронаук, когнитивистики, искусственного интеллекта и работы Д. Шрайбера [6], Воулка, М. Лоджа [7] положили начало нейрополитике. Успехи генетики и возможность редактирования генома человека стали толчком для развития генополитики. Исследования П. Хатеми и Р. Макдермотта, Дж. Фаулера [8] в области исследования генетической основы политического поведения и политических установок внесли значительный вклад в расширение представления о политическом поведении, механизмах и инструментах воздействия на сознание человека, что стало основанием для создания новых управленческих стратегий.

Развитие новых направлений политической науки возможно на базе крупных научных центров, занимающихся фундаментальными исследованиями и требующих колоссальных финансовых вливаний. Так, только на развитие нейрополитики в США было выделено несколько миллиардов долларов. Начало XXI столетия Конгресс США объявил как десятилетие нейронаук и нейрополитики, имеющих невероятные перспективы развития: «сегодня законодатели и политики имеют возможность изменять не только поступки человека, но и саму природу человека» [9]. Но надо учитывать, что исследования в области нейрополитики, генополитики, квантовой политики сегодня в значительной степени сконцентрированы на формировании управленческих технологий, в том числе и манипулятивных, как составляющих системы глобального управления.

Междисциплинарный подход, как отмечает Е. Н. Князева, акцентирует внимание на том, что «междисциплинарность», означая кооперацию научных знаний через циркуляцию общих понятий» [10, с. 35], будет и дальше активно задействована в расширении направлений политической науки, являясь тем методологическим мостиком, который, используя достижения, методы, стратегии других наук, позволит расширить представление о развитии политического. Принцип холизма как основание междисциплинарного подхода позволяет формировать представление о целостном и преемственном характере мировой эволюции, включающей в себя как биологические и социальные виды материи, так и эволюцию политического.

Но как уже отмечалось выше, есть необходимость не только в целостном восприятии мира, но и в понимании того, что сегодня реальность не только изменяется, но и достраивается, конструируется. Трансформация современного политического

происходит не в результате эволюционного поступательного процесса и «вызревания» противоречий внутри локальных социальных систем, а как результат глобального проектирования. Разрабатываются и реализуются технологии «цветных революций», «внешнего управления», «управления хаосом», «резонансного воздействия» и т. д., что привело к необходимости поиска новых подходов к научному осмыслению изменяющейся реальности. Среди таких подходов – трансдисциплинарный подход, или как его можно назвать, метадисциплинарный.

Современное научное познание не может ограничиться только междисциплинарным подходом, и обращение к трансдисциплинарному подходу есть способ расширения научного мировоззрения [11, с. 56]. Трансдисциплинарность рассматривается как исследовательская стратегия, выходящая за рамки дисциплинарных границ, интегрирующая различные методы и практики познания на основе «трансдисциплинарного языка», или «метаязыка» науки. В новой био-социо-антропной картине мире произошло переакцентирование с человека на искусственный интеллект, искусственную жизнь, искусственное сознание, и в рамках трансдисциплинарного подхода исследовательское внимание фокусируется на процессе конструирования, процессе становлении новой реальности. «Трансдисциплинарность позволит разрабатывать технологии управления макропроцессами, которые будут основываться на понимании взаимосвязи и взаимозависимости природы, общества, человека и сложных технологических объектов, понимании того, что создаваемые человеком технологические объекты меняют направленность эволюции как вида» [12, с. 10].

Необходимо также учитывать равновероятность возможных сценариев развития в ситуации критической неустойчивости системы. А значит, современной исследовательской практикой востребованы навыки формирования альтернативных моделей научного объяснения, фиксирующих и прогнозирующих эти изменения. Как отмечает К. Майндер, «Монопричинность в политике и истории – ошибочный и опасный способ линейного мышления» [13, с. 56]. И особенно это важно учитывать при анализе сложных систем. В рамках трансдисциплинарности есть понимание того, что неопределенность будущего содержит в себе многовариантность и равновероятность различных сценариев, а выбор возможного варианта обусловлен во многом субъективным фактором.

Однако, чтобы уловить изменения этого мира и отразить это в научном познании, необходимо обладать мышлением, способным уловить эти изменения, а для этого необходимо «новое мышление» исследователя. Принципы современного научного знания должны быть подвергнуты сомнению, ибо основные классические принципы упорядочивания, упрощения и неизменности знания не работают в условиях открытых неравновесных систем, а наряду с принципами целостности, антропоцентризма в силу вступают принципы нелинейности, неопределенности и изменчивости научного знания как начала познания.

Сложное мышление эволюционно возникает как ответ на вызовы сложного мира, и представителем западноевропейской научной школы Э. Мореном была сформулирована эпистемология сложного или принципы сложного мышления. Поиски метода исследования усложняющейся и изменяющейся реальности ученый начинает с отказа от принципа упрощения: «неприятие упрощения заставляет меня отвергать всякую единую теорию, всякий всеохватывающий синтез, всякую рационализирующую упорядочивающую систему» [14, с. 47]. Речь идет о попытках формирования

метода, исходя из принципов сложности, «который обнаруживает, а не скрывает связи, соединения, импликации, наслоения, взаимозависимости, сложности» [Там же. С. 37].

Рассматривая процессы становления и эволюции природы и общества как сложных систем, Э. Морен отмечает, что эволюция не может рассматриваться как восходящий прогресс: «она должна быть одновременно деградацией, созиданием, рассеянием и концентрацией». Не существует линейного развития сложности, сложность неравномерна и неопределенна. Современные знания о развитии биологической и социальной материи безвозвратно разрушили прежнее представление о порядке, устойчивом состоянии и показали необходимость сложного принципа объяснения, в том числе, и развития политического.

Исследуя процесс становления порядка, Э. Морен отмечает, что эволюция «создает свой порядок и свою организацию в состоянии турбулентности, нестабильности в результате отклонения, совершения невероятного события в процессе диссипации энергии» [Там же]. Рассматривая беспорядок как «животворящее начало» и ссылаясь на работы фон Неймана [15], И. Пригожина [16], он приходит к заключению о том, что некоторый беспорядок, хаотические, неорганизованные процессы – при определенных условиях – могут продуцировать организацию: «... отклонения, возмущения и диссипация могут служить стимулом для возникновения организации и порядка» [14, с. 66].

Если исключение беспорядка было характерно для классического видения, то сложное видение включает беспорядок, а целостность сложных систем, образующаяся в результате взаимодействия частей, включает в себя как идеи единства, так и идеи разнообразия и множественности. Такое понимание предполагает, что теория сложного мышления также должна содержать в себе печать беспорядка и дезинтеграции. В теории сложности внимание направлено на анализ эмерджентности как свойства сложной системы и новое осмысление содержания этого понятия. Особенности сложного единства противоречивые, на первый взгляд взаимоисключающие, но с точки зрения сложного мышления взаимодополняющие.

«Сложное мышление», по сути, является эпистемологической стратегией, рассматривающей развитие природы, человека и общества как процесс, основанный на принципах холизма, разнообразия, нелинейности, открытости, голографичности и автопоэтичности. Научное мышление исследователя должно основываться на этих принципах, что даст возможность формирования методологии анализа и прогноза современных социополитических систем. Трудно не согласиться с утверждением С. В. Пирожковой: «система – это упорядоченное целое, характеризующееся разными режимами функционирования и развития. Что касается внешних некомпенсированных воздействий, то они порождают неопределенность, но не уничтожают возможности научного предвидения» [17, с. 66].

Сегодня все более усиливается значение научной, интеллектуальной, нравственной оснащенности исследователя, которая позволяет ему успешно не только анализировать, исследовать, но и моделировать возможные сценарии. По мнению Л. Хоуза, «научное исследование является рекурсивным процессом, так как логика научного процесса задается социально-политическим фактором и аксиологическими установками исследователя» [18, с. 422].

В этой связи можно констатировать, что методология современной политической науки должна основываться на новой картине мира, где человек, будучи встроен

в сложные системы, может оказывать непосредственное влияние на траекторию их развития, выводить их на предпочтительные будущие состояния.

Праксеологический аспект

Все чаще в политической практике наблюдается расхождение рекомендаций и выводов научного анализа с реально существующей политической практикой. Зачастую складывается впечатление, что сфера научной политической аналитики и прогнозирования и сфера реальной политики существуют независимо друг от друга, образуя свои автономные миры. И именно праксеологический анализ дает нам возможность увидеть ряд причин рассогласования политической науки и политической практики. Эта проблема носит столь распространенный характер, что сегодня она становится объектом философской рефлексии [19].

Прежде необходимо отметить ряд объективных факторов, детерминирующих снижение уровня вероятности политических прогнозов и объективности аналитических выкладок. Среди них:

- возрастающая сложность системы, которая влечет за собой увеличение форм и способов взаимодействия ее элементов, значительная часть из которых носит латентный характер причинно-следственных связей, невидимых для наблюдателя, объективно обуславливая невозможность научного прогноза с высокой долей вероятности;

- нелинейность развития современных сложноорганизованных открытых систем. Эффект нелинейности – изменение одного компонента системы может привести к неожиданному и непропорциональному эффекту в другом месте – усиливает эффект неопределенности и непредсказуемости развития системы, что делает объективно невозможным высокую вероятность прогнозируемых процессов;

- усиление проявления эмерджентных свойств сложноорганизованных систем, снижающих уровень вероятности политических прогнозов;

- современная политика характеризуется увеличением числа явных и латентных международных политических субъектов и акторов, легитимно и нелегитимно реализующих свои интересы посредством внешнего воздействия на внутреннюю политику национального государства. Недоступность этой информации для исследователя также снижает объективность и уровень вероятности прогноза;

- особенность данного этапа развития социальных систем характеризуется как «бифуркационная фаза», которая сопровождается ограничением, а иногда и полным разрушением системы контроля властных институтов, что приводит к их неподконтрольности обществу и ограничению демократических свобод;

- уплотнение времени и скорость протекания процессов в бифуркационной фазе требуют немедленного принятия решения, что ведет к ограничению круга лиц, принимающих решения, и возрастанию доли субъективности в принятии управленческих решений;

- непрерывное взаимодействие власти-общества в рамках реального времени порождает сбой в функционировании «прямых-обратных» связей и приводит к искажению вводных и результатов аналитической работы;

- выбор методологических оснований анализа и прогноза и их высокая вероятность возможны только при условии понимания цели политического проекта

и его аксиологических оснований (или противостояния нескольких проектов), в соответствии с которыми происходит перенастройка системы;

– не менее важным является учет фактора противостояния интересов национального государства и интересов глобальной элиты, а также внутриэлитных противоречий и интересов.

В этой связи возникает вопрос: какие структуры могут быть бенефициарами политических и технологических проектов? Переход к этапу НБИК-технологий свидетельствует, что будущее человечества – это наукоемкие технологии, и именно крупнейшие инвесторы в этой области будут определять наше будущее.

Если обратиться к цифрам, то доля стран в мировых расходах на НИОКР составляет: США – 28 %, Китай – 19,6 %, ЕС – 19 %, Россия – 1,7 %. Крупнейшими инвесторами являются ТНК и международные фонды, доля которых – 64 %, доля государства – всего лишь 12 %. [20]. Именно ТНК и международные фонды контролируют 4/5 патентов и лицензий на научные открытия, новую технику и «ноу-хау», что свидетельствует о неуклонном увеличении роли этих структур в формировании нового ландшафта политической реальности.

Э. Тоффлер в своей книге «Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века», предупреждая о проблемах, с которыми столкнется человечество, выделяет среди них переход власти «от стран с богатыми природными ресурсами к тем, кто контролирует знание, необходимое для создания новых ресурсов» [21, с. 39]. Главный редактор журнала «Technological Forecasting and Social Change» Ф. Филлипс также отмечает, что проблема будущего – концентрация ресурсов, в том числе и интеллектуальных, и использование их в узко корпоративных интересах в ущерб общественным, а «этот корпоративный краткосрочный подход несовместим с долгосрочным устойчивым развитием» [22].

Выводы

Методология современной политической науки переживает кризис обусловленный прежде всего:

- тектоническими трансформациями глобальной системы;
- ограниченностью исследовательского инструментария, в том числе особенностями мышления самого аналитика;
- процедурой интерпретации, принятия, реализации и контроля управленческих решений в глобальной открытой системе в условиях неопределенности и ограничения системы контроля властных институтов.

Трудно найти такую же область человеческой деятельности, как политика, где так жестко сталкивались бы противоположные интересы, где достижение собственной цели возможно было бы за счет ущемления интересов других. Именно здесь реализуются теории и идеологии, легитимизирующие власть, собственные узкогрупповые интересы, и исследовательский инструментарий политической науки должен учитывать конфликтогенный и противоречивый характер политики.

Необходимо также учитывать, что уровень нарастающей неопределенности в разных регионах будет различен, основные издержки трансформации будут ощущать на себе страны зависимого развития. Как подчеркивает глава Всемирного экономического форума К. Шваб, усиления дальнейшего неравенства не избежать: «Онтологическое неравенство отделит тех, кто приспосабливается, от тех, кто

сопротивляется, – материальных победителей и проигравших во всех смыслах. Победители могут даже извлечь выгоду из той или иной формы радикального улучшения человека, порожденного определенными сегментами четвертой промышленной революции (например, геной инженерией), чего проигравшие будут лишены» [4].

Неравенство скажется и на развитии политической науки. Как уже отмечалось, новые направления политической науки активно развиваются и будут развиваться в странах с высоким уровнем технологического и научного потенциала, а точнее, в странах-лидерах. В странах «зависимого развития» внимание будет акцентироваться на прикладных исследованиях, разработке управленческих и манипулятивных технологий, инструментарий прогнозирования будет ограничен рамками краткосрочного прогноза.

Тем не менее, анализируя проблемы методологии, важно учитывать, что научный инструментарий развивается, появляются новые подходы исследования, меняются представления о формах, способах получения научного знания в соответствии с новыми реалиями. Перед методологией политической науки стоит задача ревизии существующего категориально-понятийного аппарата, активизации его дальнейшего развития, перехода к новой конструктивистской парадигме. Не менее важной задачей является формирование аппарата измерения и индексирования неопределенности, который позволит с большей долей вероятности прогнозировать выбор возможного аттрактора развития системы.

Задача методологии политической науки – формировать новый стиль стратегического мышления, возможность определять и намечать аттракторы развития системы, делать их достоянием общественности, что позволит сформировать не только комплекс целевых детерминантов, определяющих ее динамичное развитие, но и комплекс адаптивных механизмов, обеспечивающих устойчивое состояние социальных систем.

Ссылки / References

1. Порус В. Н. На пути к реформе системы эпистемологических целей и ценностей // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 34–43.
2. Глазьев С. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
3. Collins H., Evans R., Weinel M. STS as Science or Politics? // *Social Studies of Science*. 2017. Vol. 47. № 4. P. 580–586.
4. Шваб К., Маллере Т. COVID-19: Великий сброс. Великая перезагрузка. Форум Издательство. Выпуск 1.0. URL: https://vladimir-bezborodov.ru/wp-content/uploads/2021/12/COVID-19_Great_Reset/COVID_19_Great_Reset_RUS.pdf (дата обращения: 27.02.2022).
5. Буданов В. Г. Синергетика и теория сложности: междисциплинарный подход. М., 2016. 180 с.
6. Schreiber D. Neuropolitics: Twenty years later // *Politics & the Life Sciences*. 2017. Vol. 36, Issue 2. P. 114–131.
7. Wahlke J. C., Lodge M. G. Psychophysiological measures of political attitudes and behavior // *Midwest Journal of Political Science*. 1972. Vol. 16. № 4. P. 505–537.

8. Fowler J. H., Dawes C. T. Two Genes Predict Voter Turnout // *Journal of Politics*. 2008. Vol. 70. № 3. P. 579–594.
9. Бажанов В. А. Кантианская программа в современной политологии: нейрополитология // *Социум и власть*. 2017. № 1 (63). С. 43–49.
10. Князева Е. Н. Трансдисциплинарные когнитивные стратегии в науке будущего // *Вызов познанию*. М., 2004. С. 35–46.
11. Кнященко Л., Моисеев В. *Философия трансдисциплинарности*. М.: ИФРАН, 2009. 205 с.
12. Карадже Т. В. Трансдисциплинарность как методологическое основание моделирования развития социальных систем // *Вопросы политологии*. 2016. Выпуск 4 (24). С. 7–15.
13. Майнцер К. *Сложносистемное мышление: материя, разум, человечество. Новый синтез*. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 464 с.
14. Морен Э. *Метод. Природа природы*. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
15. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. *Теория игр и экономическое поведение*. М.: Наука, 1970. 100 с.
16. Николис Г., Пригожин И. *Познание сложного*. М.: УРСС, 2003. 344 с.
17. Пирожкова С. В. Прогнозирование и его место в системе научного знания // *Вопросы философии*. 2018. № 11. С. 99–110.
18. Howes L. M. Developing the methodology for an applied, interdisciplinary research project: documenting the journey toward philosophical clarity // *Journal of mixed methods research*. London, 2017. Vol. 11 (4). P. 450–468.
19. Касавин И. Т. Наука как политический субъект // *Социологические исследования*. 2020. № 7. С. 3–14.
20. Боярская В. Сколько тратит на науку Россия и другие страны? // *Северный маяк*. URL: <https://severnyumayak.ru/2020/12/01/skolko-tratit-na-nauku-rossiya-i-drugie-strany/> (дата обращения: 15.02.2022).
21. Тоффлер Э. *Метаморфозы власти* / Пер. с англ. М.: АСТ, 2001. 669 с.
22. Phillips F. From my perspective: The globalization paradox // *Technological Forecasting and Social Change*. 2018. Vol. 143. P. 319–320.